

В ФОКУСЕ АФГАНИСТАН

Умнов А.Ю.

Статья посвящена анализу российско-афганских отношений на современном этапе. Показывается важность этой страны во внешнеполитических приоритетах России, что обусловлено географическим положением Афганистана, борьбой с международным терроризмом и производством наркотиков.

После распада СССР наша страна не граничит с Афганистаном, будучи отделенной от него пространствами пяти бывших союзных советских республик, ныне суверенных государств: Казахстана, Туркменистана, Киргизии, Узбекистана и Таджикистана. Современная Россия – отнюдь не просто уменьшенный вариант Советского Союза, а новое государство, с иными интересами и приоритетами. Тем не менее Афганистан сохраняет для нас большое значение. Это обусловлено рядом тесно переплетающихся друг с другом факторов, прежде всего географическим положением, борьбой с апеллирующим к исламу международным терроризмом и производством наркотиков.

Интересы России

Географически Афганистан как бы подпирает с юга Содружество независимых государств (СНГ), которое объединяет все бывшие союзные республики СССР, кроме прибалтийских и Грузии. Причем Афганистан не просто граничит с югом СНГ, но и связан с ним этническими, культурными и религиозными узами. Как известно, таджики, узбеки, туркмены, киргизы живут по обе стороны бывшей советско-афганской границы. Причем таджиков в Афганистане больше, чем в Таджикистане. Прерванные во времена существования СССР межстрановые этнические связи сегодня имеют тенденцию к восстановлению. Это не может не делать южные республики СНГ весьма чувствительными к тому, что происходит в Афганистане.

Сегодня эта страна – один из участков фронта с апеллирующим к исламу международным терроризмом. Хотя США и их союзники свергли режим пригревших международных террористов талибов, те остаются важным фактором внутривнутриполитической жизни Афганистана. Успех или неудача борьбы с ними, так или иначе, скажется на России и центральноазиатских республиках СНГ. Ведь апеллирующий к исламу международный терроризм угрожает и им. Кроме того, Афганистан и ныне – крупнейший в мире производитель и поставщик наркотиков. Это также не может не волновать как Россию, так и другие страны.

Крупнейшим событием в политике России по отношению к Афганистану стало списание его задолженности из неоплаченных военных кредитов СССР и клиринговых расчетов, оцениваемой в 11,2 млрд долларов. Это создало возможности государственного финансирования экономических проектов, в реализации которых российская сторона готова оказать помощь своему частному сектору, проявляющему пока мало интереса к экономическим связям с Афганистаном.

Между тем большинство промышленных предприятий и современных дорог в Афганистане построено с помощью Москвы. И совершенно естественно, что их восстановление или модернизация могут быть успешными с помощью специалистов из России.

Афганистан – потенциальный рынок сбыта российской продукции и возможный поставщик

полезных ископаемых. Сегодня российско-афганский торговый оборот невелик. Причем его большая часть приходится на поставки из России: главным образом керосина, древесины и пиломатериалов, сахара и сахарных изделий.

Особое значение имеют возможные военные поставки Москвы. Ведь именно к советскому оружию привыкли афганцы. Позитивное решение этого вопроса усилило бы потенциал и регулярной армии, и полиции, в чем так нуждается Кабул. В последнее время здесь явно наметились позитивные сдвиги.

За исключением военных поставок Афганистан заинтересован не столько в российских товарах, сколько в российских капиталах. Наиболее перспективными для России могли бы стать инвестиции в добычу полезных ископаемых: нефти, газа, меди, ряд месторождений которых были найдены еще советскими геологами. Прежде всего интерес представляют месторождения нефти на севере страны, которые позволяют сегодня добывать примерно 1 миллион тонн нефти ежегодно.

Общий объем нефтегазовых запасов Афганистана оценивается в 40 млн тонн нефти и 137 млрд кубометров природного газа.

В последние годы афганское государство заключило с местными и зарубежными компаниями полторы сотни соглашений о добыче полезных ископаемых. Однако России не удается занять здесь лидирующие позиции. Самой большой неудачей стало поражение в тендере на разработку одного из крупнейших в мире месторождений меди в Айнакской долине, открытого еще советскими геологами. Хотя на него претендовали две российские компании, запасы меди общей стоимостью 88 млрд долларов сроком на 30 лет перешли в руки китайцев. Тем не менее российский бизнес ведет ряд проектов на афганском рынке. Это выигрывает тендер на поставки материалов и оборудования для реконструкции ГЭС «Наглу», построенной советскими специалистами, проект реконструкции Кабульского домостроительного комбината, некогда также созданного СССР.

По просьбе афганской стороны Россия согласилась возобновить работы по восстановлению тоннеля на перевале Саланг. Построенный в свое время советскими специалистами, он связывает Кабул с севером страны.

Проблемы государственного строительства

По сравнению с прошлыми годами талибы стали сильнее, а их действия более изощренными. Сегодня они уже имеют на вооружении зенитные средства. Улучшается и их тыловое обеспечение. Наряду с партизанской тактикой они активно

используют террористические акты против государственных чиновников и военнослужащих как правительства Х. Карзая, так и западных сил.

Рост влияния талибов в Афганистане обусловлен тесным переплетением местных условий с внешней поддержкой. Многолетняя война с активным участием внешних сил отбросила эту одну из самых бедных стран Азии в экономическом развитии на много лет назад. Сегодня, опираясь на внешнюю (в основном западную) помощь, она постепенно возрождается, что серьезно затрудняется политической нестабильностью. Безработица, нищета и коррупция активно толкают население (прежде всего молодежь) в ряды талибов, где они получают средства для существования. Свою негативную роль играют и бомбардировки населенных пунктов с большим числом жертв среди мирного населения, обыски в частных домах. Попытки властей стимулировать отказ от выращивания наркосодержащих культур выплатой денежных премий малоэффективны – производство наркотиков гораздо выгоднее. Недовольство жителей вызывает и ликвидация опиумных плантаций, осуществляемая администрацией Карзая при содействии американцев и англичан, поскольку для миллионов крестьян выращивание опия – единственный источник существования.

Тесно связанные с наркобаронами талибы эффективно используют эту ситуацию в своих целях. Если во время своего пребывания у власти они ограничивали производство наркотиков, то теперь выступают в роли его покровителя и защитника. Многие полевые командиры, располагающие собственными вооруженными формированиями и неприязненно относящиеся к центральному правительству, сотрудничают с талибами.

Ключ к урегулированию внутриафганской ситуации – создание сильной центральной власти. Но на пути к этой цели немало препятствий. После свержения талибов видные представители афганского общества собрались под эгидой ООН в пригороде Бонна с целью разработать план управления страной. В результате начатого там и продолжавшегося уже в Афганистане многолетнего процесса государство получило новую конституцию, двухпалатный парламент и впервые в истории избранного президента – Хамида Карзая. Причем на каждом этапе государственного строительства широко использовались выборы, выборность и другие демократические институты, такие, например, как всенародное обсуждение Основного закона.

Новая конституция провозглашает Афганистан Исламской республикой. Ни один закон

Международные отношения

в стране, говорится в Основном законе, не может противоречить исламу. В то же время здесь нет никаких ссылок на шариат (мусульманское право) как источник законодательства. Как Конституция, так и ее преамбула предваряется традиционной мусульманской формулой «Во имя Бога, милостивого, милосердного». Одновременно в них есть ссылки на демократию, права человека, приоритет международных соглашений, подписанных Афганистаном, Устава ООН, Всеобщей декларации прав человека. Все граждане Афганистана – мужчины и женщины, провозглашает Конституция, имеют равные права и обязанности перед законом. Ответственность за преступление носит персональный характер. Преследование, арест и задержание обвиняемого, наказание не должны распространяться на других лиц. Как положение о равноправном статусе женщины с мужчиной, так и последний тезис весьма важны для Афганистана. Ведь там до сих пор весьма распространены и приниженное положение женщины, и кровная месть.

Главой Исламской республики Афганистан, согласно ее Конституции, выступает президент – глава, как государства, так и правительства. В соответствии с Основным законом в стране существует парламент, состоящий из двух палат: Народной палаты, избираемой прямым голосованием, и Палаты старейшин, частично избираемой, частично назначаемой президентом.

Половину последней должны составлять женщины.

Хотя в Кабуле существует поддерживаемое западным военным присутствием правительство президента Карзая, его контроль над многими (особенно сельскими) районами носит формальный характер. Упрочение позиций нынешнего афганского режима в целом отвечает интересам не только США (его главного спонсора), но и России.

На этом фоне очевидна необходимость активного американо-российского взаимопонимания. Стремясь продемонстрировать свою добрую волю, Москва согласилась на транзит грузов НАТО в Афганистан через свою территорию.

Нынешняя ситуация в Афганистане наглядно демонстрирует – несмотря на международное военное присутствие, без формирования сильного внутреннего блока проправительственных сил добиться коренного перелома в стране невозможно. На первый взгляд ядром такого блока вполне может стать Северный альянс. Ведь именно он всегда активно боролся с талибами.

Однако впечатление это обманчиво. До прямого удара США и их союзников по талибам Северный

альянс (тогдашний союзник Москвы и Тегерана) контролировал два региона – Панджшер и Бадахшан, т.е. всего лишь десятую часть страны. Расположенные к северо-востоку от Кабула, это населенные таджиками естественные природные крепости. Их жители (в отличие от населения долин) никогда не были заинтересованы в сильной центральной власти. Защиту от врагов обеспечивали горы, а возможность бесконтрольно облагать поборами торговые караваны вполне заменяла выгоды общего экономического пространства. Суровые условия существования здесь веками выковывали и очень прочные родовые связи, и воинственный характер населения.

Лидирующую роль в этом региональном «тандеме» играл Панджшер. Расположенный близ Кабула и господствующий над дорогой из столицы на север, он, казалось, самой судьбой был призван играть важную роль в истории страны. К тому же по своим боевым качествам местные таджики всегда приравнивались к пуштунам (основной этнической группе Афганистана). Военные специалисты, подчеркивая их способность к долговременной и упорной обороне, в то же время отмечали привязанность к домашним очагам и неспособность к активным наступательным действиям.

Все эти сильные и слабые стороны населения Панджшера и Бадахшана ярко проявились в противостоянии как коммунистам и советскому ограниченному контингенту, так и талибам. В то же время, когда между падением коммунистов и появлением талибов представители Панджшера (Ахмад-шах Масуд) и Бадахшана (Бурхануддин Раббани) стали у руля афганского государства, объединить страну они оказались не в состоянии. В итоге не только пуштунский юг (будущая база талибов), но и непуштунский север превратились в фактически независимые от Кабула области.

Попытки сегодня реанимировать ведущую роль Северного альянса в Афганистане, на мой взгляд, скорее всего, принесут схожие плоды. К тому же международный «военный зонтик» может скрыть фактическую децентрализацию, которая, безусловно, произойдет и не только осложнит положение в стране, но и отдалит на неопределенное время сроки вывода иностранного военного контингента (во всяком случае, американского). Как известно, США не раз заявляли о готовности оставить своих солдат в Афганистане «до победного конца». Децентрализация же, так или иначе, будет «лить воду» на мельницу талибов. Ведь в этих условиях они будут представлять единственную альтернативу распаду страны, поддерживаемому извне. Выход из создавшейся сегодня

в Афганистане ситуации – не опора на бывший Северный альянс, а создание правительства на широкой этнической базе, обязательно обеспечивающей адекватное представительство пуштунов. Без этого говорить об окончательной победе над талибами, которые и до сих пор пользуются большим влиянием среди них, вряд ли возможно.

Национальный вопрос

По числу этнических групп Афганистан занимает одно из первых мест на Ближнем и Среднем Востоке. Но ключевое значение имеют лишь пуштуны и таджики, составляющие вместе более 60 процентов населения. Причем две трети из них пуштуны и лишь одна треть – таджики. И хотя немалую роль играют узбеки, хазарейцы, туркмены и другие непуштуны, в целом именно эти две этнические группы определяют общую этнополитическую ситуацию в стране. Исторически таджики сформировались как народ оседлый, а пуштуны как оседло-кочевой.

Отсюда локальная ориентация одних и гораздо более широкая других. И это несмотря на то, что социально-экономически таджики в целом более развиты. Исключение составляют лишь жители горных районов: Панджшера к северу от Кабула и Бадахшана на северо-востоке страны. Свое влияние на этнополитическую ситуацию, если не прямо, то косвенно, оказывают и зарубежные пуштуны и таджики. В соседнем Пакистане проживает больше пуштунов, чем в Афганистане, а в сопредельной Центральной Азии (Таджикистане и Узбекистане) – примерно столько же таджиков.

Общенациональные ориентиры и преобладающая численность определили значение пуштунов как объединителей страны. Когда же руль государства дважды переходил к таджикам, Афганистан распадался на отдельные районы. Так случилось в конце 20-х годов прошлого века, когда в Кабуле воцарился бывший разбойник, известный как «Сын водоноса», и в первой половине 90-х годов того же столетия, когда править в столице стали таджики из Панджшера и Бадахшана. Несмотря на явное противоборство на вершине власти, пуштуно-таджикские взаимоотношения в целом не были враждебными. Дело в том, что в Афганистане огромным влиянием пользуются клановые, родовые, племенные институты, и на первый план нередко выходят именно они, а не собственно межэтнические связи. Стремившиеся к централизации пуштуны опирались не на склонных к обособленности сородичей, а на равнинных таджиков, объективно заинтересованных в едином экономическом и политическом пространстве. Именно поэтому столицу Афганистана

в свое время перенесли из пуштунского Кандагара в таджикский Кабул. Одновременно таджики Панджшера и Бадахшана блокировались с теми пуштунскими и непуштунскими силами, которые противились централизации.

В прошлом дважды в истории Афганистана, когда к власти приходили слишком радикальные для местного общества пуштунские силы, пуштуны теряли свою ведущую роль. В первом случае это были «младоафганцы» (сторонники модернизации) во главе с эмиром Амануллой, во втором – афганские коммунисты (ядро которых составляли также пуштуны).

Причем в своих попытках «перевернуть» афганское общество они напрямую опирались на советское военное присутствие. Оттолкнув от себя большинство как непуштунов, так и пуштунов, и те, и другие, в конце концов, теряли власть, а пришедшие им на смену таджикские лидеры объединить страну не могли.

Сложившаяся ситуация властно требовала возвращения пуштунам прежней лидирующей роли. Эту задачу выполнили в первом случае ополчения пуштунских племен, объединившиеся вокруг бывшего военного министра Амануллы – Надир-хана, во втором – в основе также пуштунское – Исламское движение «Талибан», объединившее под своим контролем 90 процентов территории страны. Единственной неподвластной ему зоной остались Панджшер и Бадахшан.

На этот раз восстановление пуштунами своей ведущей роли потребовало гораздо большего времени. Разрушение старых связей, увеличение в стране доли непуштунов за счет большей миграции пуштунов за пределы Афганистана, возникновение на месте бывшего СССР в Центральной Азии новых независимых государств (в том числе Таджикистана) серьезно затрудняло возвращение к прежнему «статус-кво». К тому же, став фактически правящей силой в Афганистане, талибы так и не получили международного признания, которого на гребне победы над местными коммунистами удостоились моджахеды из Панджшера и Бадахшана. Массированное вмешательство США свергло пригревший международных террористов режим талибов. Рычаги государственного управления перешли в руки таджиков из Панджшера. Понимая роль пуштунов в Афганистане, на пост президента Вашингтон «провел» пуштуна, что отнюдь неравнозначно реставрации ведущей роли пуштунов. В целом ситуация в Афганистане стала по-своему уникальной – президент-пуштун вынужден сосуществовать с властью таджиков из Панджшера.

В то же время свержение режима талибов в Кабуле отнюдь не привело к исчезновению этого

Международные отношения

религиозно-политического движения. Правда, его основные силы базируются теперь не в Афганистане, а в соседнем Пакистане, точнее в прилегающем к афгано-пакистанской границе населенном пуштунами районе Вазиристан. Именно здесь, где власть Исламабада слаба, а санкционированные исламом родоплеменные структуры сильны, талибы и хотят создать независимое исламское государство.

Ситуация в Вазиристане опасна и для Афганистана, и для Пакистана, который уже давно выступает не союзником, а противником талибов. Не случайно Исламабад предложил соорудить систему заграждений, своеобразную оградительную стену на пакистано-афганской границе. Сделанное, по словам президента Пакистана, «в целях предотвратить передвижение наркоторговцев и талибов», это предложение, казалось, должно было бы встретить позитивный отклик в Кабуле. Однако президент Афганистана Хамид Карзай отверг его. Оградительная стена, по словам Карзая, не решив проблему проникновения бандформирований с территории Пакистана, в то же время разделит не только племена, но и семьи.

За позицией Кабула стоит старая проблема т.н. «линии Дюранда»: проведенная англичанами между Афганистаном и их владениями в Индии в конце XIX века, она «разрезала» территории пуштунов и белуджей. Возникший в 1947 году, Пакистан считает эту линию государственной границей. Афганистан же сделать это отказывается. За непризнанием «линии Дюранда» скрывается отнюдь не стремление Кабула к экспансии (как нередко утверждают его противники), а желание привлечь симпатии пуштунов, самой крупной этнической группы многонационального Афганистана. И здесь постоянная демонстрация приверженности панпуштунским идеалам играет далеко не последнюю роль. Поскольку же во главе афганского государства стояли, как правило, также пуштуны, такой курс выглядел вполне логичным. Тем более, что пакистанские пуштуны и белуджи, влиятельные национальные меньшинства в Пакистане, требуя то широкой автономии, то независимости, охотно опирались на Афганистан.

Под давлением межэтнических противоречий Пакистан однажды уже разваливался (в начале 70-х годов XX века на месте его Восточной провинции возникло новое государство Бангладеш). Поэтому «афганская подпорка» пуштунского и белуджского национализма не могла не тревожить Исламабад. Средством нейтрализации этой угрозы служила поддержка в Афганистане пуштунских исламских фундаменталистов и местных этнических

противовесов пуштунской власти. Фундаменталисты, выступая за исламскую революцию (радикальное перераспределение власти и собственности), отрицают существование пограничных проблем между мусульманскими странами. Что же касается этнических противовесов власти пуштунов, то здесь главное место отводилось таджикам, второй по численности этнической группе в Афганистане. Белуджи в этом «раскладе» оставались как бы «за скобками». Ведь они в Афганистане составляют незначительную часть населения.

Годы пребывания у власти афганских коммунистов – время расцвета этой политики. Оттолкнув от себя большинство и пуштунов, и непуштунов, Кабул создал весьма благоприятные условия для «игры» Исламабада. Солидным подспорьем здесь служило и то, что пуштунский национализм в Пакистане, по крайней мере, частично, начал разворачиваться в антиафганском направлении. Белуджский же национализм, напротив, сохранил свою прокабульскую направленность. После ухода с политической арены афганских коммунистов ситуация стала меняться. Пуштунские исламские фундаменталисты, набравшие немало очков в борьбе с «неверными», быстро их растеряли. Революция под зеленым знаменем импортировала афганцам немногим больше, чем под красным. В то же время переход Кабула в руки таджиков развязал дезинтеграционные тенденции среди многонационального населения Афганистана, которые затронули и местных пуштунов. Их стихийное воссоединение с пакистанскими «братьями» через «линию Дюранда» представляло для Исламабада серьезную угрозу.

Противодействуя ей, Пакистан способствовал возникновению движения «Талибан». Выступая за восстановление старых форм распределения власти и собственности и опираясь прежде всего на пуштунов, оно стало довольно быстро объединять Афганистан. Однако, проникнув на территории, населенные непуштунами, талибы явно вышли за рамки, отведенные им Исламабадом. Первоначальный замысел Пакистана, видимо, заключался в создании, хотя и единого, но в принципе весьма рыхлого государственного образования федеративного типа. При этом пуштуны, даже в случае своего утверждения в Кабуле, должны были бы считаться с фактически автономными непуштунскими силами. Таким образом, жесткая позиция Афганистана по «линии Дюранда» (что, так или иначе, подчеркивало особое положение пуштунов в государстве) была бы невозможна. Естественно, новое объединение Афганистана сильной пуштунской властью неминуемо грозило ее возрождением.

Нежелание «Талибана» считаться с Исламабадом привело к растущему отчуждению между ними. Поэтому и их разрыв после терактов 11 сентября 2001 г. в США, которые организовали союзники талибов – международные террористы, носил отнюдь не конъюнктурный характер. Свержение Соединенными Штатами режима талибов вновь разделило Афганистан на отдельные региональные и этнические «квартиры». Правда, формально во главе афганского государства стоит пуштун Карзай, которого поддерживает и американское, и международное военное присутствие. Однако «собрание» Афганистана вокруг Кабула идет крайне медленно. В этих условиях пуштунская и белуджская проблемы в Пакистане вновь обострились. Что касается пуштунского национализма, то он не только по-прежнему «разрывается» между про- и антикабульскими тенденциями, но и частично скрещенный с талибами, приобретает все более самодовлеющее значение. Противостоя как Афганистану, так и Пакистану, пуштунский национализм становится новым, причем весьма серьезным, фактором политической жизни Среднего Востока. На этом фоне особняком стоит белуджский национализм, сохраняющий стойкую антиисламабадскую направленность.

Идет ли Запад по пути СССР?

18 лет назад, в апреле 1992 года пал режим Наджибуллы, последнего коммунистического правителя Афганистана. Причем произошло это не столько из-за силы противостоящих ему моджахедов, сколько из-за прекращения материально-технической помощи Москвы. 21 год назад советские войска покинули Афганистан. Однако вопреки ожиданиям местное коммунистическое правительство смогло не только самостоятельно держаться три года, но и наносить сильные контрудары по вооруженной оппозиции. И не прервати Россия после распада Советского Союза свою помощь, не исключено, что и сегодня как Кабул, так и другие города и значительная часть сельской местности находились бы в руках Наджибуллы, который, небезуспешно переплавляя свой коммунистический имидж в общенациональный, предлагал США союз против апеллирующих к исламу экстремистов и международных террористов.

На первый взгляд нынешняя ситуация в Афганистане напоминает времена пребывания в этой стране «ограниченного контингента советских войск». Как и тогда, афганское правительство контролирует Кабул и остальные города (по крайней мере, крупные), в то время как сельская местность (во всяком случае, ее большая часть) находится

в руках вооруженной оппозиции. Как и тогда гарантом существующей власти выступает иностранное военное присутствие. Причем в обоих случаях, как сроки пребывания иностранных войск, так и их численность (учитывая планы по наращиванию американского контингента) сопоставимы. Правда, потери у западной коалиции во много раз меньше, чем у Советской армии. Но это дело наживное. Ведь с увеличением западного контингента потери будут неизбежно возрастать. Как тогда, так и теперь главная опора вооруженной оппозиции – базы в слабо контролируемых центральной властью районах Пакистана, где боевики переформируют свои боевые порядки, перевооружаются, отдыхают.

Нынешняя и тогдашняя ситуации в Афганистане схожи. Но между ними есть и очень серьезные отличия. Афганские коммунисты пришли к власти самостоятельно и, как показала практика, могли держаться у власти без прямого военного вмешательства. Имеет ли подобную альтернативу Запад, прежде всего США? Ведь Карзай пришел к власти благодаря прямому вмешательству Вашингтона и его союзников. Правда, ему удалось, задействовав антиталибские механизмы внутри афганского общества, пустить корни в местную почву. Но вот сможет ли он удержаться в Афганистане без прямого внешнего вмешательства – большой вопрос. На минуту представим себе, что это ему или его преемникам удастся. Смогут ли Соединенные Штаты и их союзники праздновать победу? Думается, что нет. Ведь они начали войну в Афганистане под лозунгом искоренения международного терроризма, совершившего агрессию против США. Ограничиться лишь внешней помощью означало бы отступление от поставленных задач, потерю лица в стратегически важном районе мира. Поэтому Вашингтон здесь имеет гораздо меньшую свободу действий, чем Москва, которая в свое время ввела войска для стабилизации режима местных коммунистов. Правда, у США в Афганистане сегодня есть козырь, которого не было и не могло быть тогда у СССР, – постепенное формирование многополярного мира. Во времена «холодной войны» Афганистан был одной из самых «горячих точек». На одной чаше весов здесь оказались Советский Союз и Индия, на другой – США и другие страны Запада, Китай, мусульманские государства, прежде всего Саудовская Аравия и Пакистан. Сегодня ситуация принципиально иная. В условиях многополярности постепенно приходит признание международного терроризма глобальной проблемой, которая требует для своего решения усилий если не всех, то многих государств, порой принадлежащих к различным полюсам современного мира. Опыт Афганистана

Международные отношения

имеет здесь особое значение. Ведь в прошлом эта страна не раз становилась объектом соперничества внешних сил. Ныне ситуация принципиально иная: против международных террористов, свивших гнезда в некоторых районах Пакистана и Афганистана, постепенно складывается широкий международный фронт, где присутствуют прежние противники в «холодной войне», такие как Россия, США, Запад в целом, Индия, Китай, мусульманские государства, прежде всего Саудовская Аравия и Пакистан. Таким образом, умеренный ислам также выступает важным союзником в борьбе против апеллирующего к исламу международного терроризма. Не исключено, что со временем таким союзником могут стать и некоторые группировки талибов. Ведь то, что сегодня они выступают в союзе с международными террористами, еще не доказывает, что это одно и то же.

Можно ли договориться с талибами?

Конечно, талибы сегодня настолько тесно связаны с «Аль-Каидой», что отделить одно от другого представляется практически невозможным. Как известно, в свое время именно отказ талибов выдать бен Ладена международному правосудию послужил причиной свержения американцами их режима в Кабуле. Таким образом, этот акт четко вписан в провозглашенную США войну с международным терроризмом. Правда, то что «Талибан» и «Аль-Каида» в Афганистане действуют сообща и даже тесно переплетены друг с другом, не означает, что это одно и то же.

«Аль-Каида» возникла во времена конфронтации между СССР и США как организация, помогающая арабским исламистам принять участие в «джихаде» против афганских коммунистов и ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Ее идейным знаменем служил ваххабизм – религиозно-политическое течение, господствующее в Саудовской Аравии. Его характерная черта – отрицание «культы святых», широко распространенного в мусульманских государствах. Возникнув впервые в Аравии в XVIII веке, оно характеризовалось нетерпимым отношением не только к представителям иных конфессий, но и к другим мусульманам. В союзе с Саудитами – одной из местных династий, он стал господствующей идеологией в Саудовской Аравии, государстве, объединившем большинство территорий Аравийского полуострова к 20-м годам XX века.

До создания собственного государства ваххабизм выступал оппозиционным течением, призывавшим под знаменем «возвращения к подлинному исламу» к радикальному перераспределению

власти и собственности. Теперь же он превратился в течение, санкционирующее статус-кво. Хотя практика государственного строительства заставила ваххабитов смягчить свои первоначально крайне жесткие установки в отношении как «неверных», так и других мусульман, они оказались как бы замороженными, готовыми оттаять при благоприятных условиях. Такие условия стали постепенно возникать с 70-х гг. XX века.

Хотя огромные доходы от нефти помогали серьезно сглаживать внутренние социальные противоречия, они все же стали давать о себе знать. В этих условиях Саудовская верхушка попыталась вывести апеллирующий к ваххабизму экстремизм за пределы страны. Идеальным средством для этого стал «джихад» в Афганистане. Хотя в этой борьбе афганские моджахеды и арабские исламисты-ваххабиты сражались плечом к плечу, среди них нередко проявлялись острые противоречия (подчас выливавшиеся в открытые столкновения). И это неудивительно. Ведь базирующийся на «культе святых» афганский ислам разительно отличался от его ваххабитского варианта.

В отличие от «Аль-Каиды» «Талибан» возник не во времена советско-американской конфронтации, а после вывода ограниченного контингента, развала СССР и ухода афганских коммунистов с политической арены. Явная неспособность моджахедов, ядро которых составляли непущтуны, объединить страну создала политический вакуум. Распад Афганистана на ряд фактически самостоятельных государственных образований вызвал потребность в появлении новой общенациональной силы, способной объединить страну. Именно такой силой и стало Исламское движение «Талибан». Первоначально оно составляло несколько сот пуштунов-выпускников религиозных школ (мдресе) Пакистана. Отсюда их название – талибы (учащиеся). Появившись на территории Афганистана, они стали ядром многотысячного войска, которое начало быстро объединять страну. Таким образом «Аль-Каида» стала своеобразным наследством, которое получили талибы от моджахедов. Причем наследством, претендовавшим на самостоятельную роль и цель. Если раньше такой целью была борьба с мировым коммунизмом, то после распада СССР эта цель явно отошла на второй план. В этих условиях «Аль-Каида» обратила внимание на своего бывшего союзника – США. Взрывы американских посольств в Кении и Танзании и, наконец, чудовищные теракты в США, – все это знаменовало поиск этой международной террористической организации своего места в современном мире. И талибы, чьи интересы носят не глобальный, а локальный характер, оказались их

невольными союзниками.

Последнее время в странах «старой Европы», пославших своих военнослужащих в Афганистан, все чаще высказывается мнение: конфликт в этой стране не имеет военного решения. Пересмотру подвергается и ставка на Хамида Карзая как на единственную достойную поддержки политическую фигуру. Подобные настроения дают основания предположить: некоторые задействованные в афганском кризисе государства готовы при определенных условиях примириться если не с возвращением к власти Исламского движением «Талибан», то с взаимоприемлемым разделом власти с ним.

Концентрированным выражением таких взглядов стала беседа британского посла в Афганистане Шерарда Коупера в сентябре 2008 года с французским дипломатом, содержание которой просочилось в западную печать. «Для Афганистана было бы хорошо, чтобы в следующие пять—десять лет страной правил приемлемый диктатор. Это единственная реальная перспектива, к которой необходимо подготовить общественное мнение на Западе», – цитировало слова посла французское издание «Canard Enchaîné»¹. Коупер подчеркнул: наращивание численности военнослужащих НАТО в Афганистане, за что выступают некоторые западные лидеры, не улучшит положение, а заставит говорить о НАТО и США как об оккупантах. «Увеличение числа военных просто увеличит число мишеней. Присутствие коалиционных сил в Афганистане – не решение, а часть проблемы. Иностранные войска поддерживают режим, который без их помощи уже давно бы рухнул, и тем самым только затрудняют выход из кризиса», – сказал английский дипломат. Правда, официальный Лондон отказался от сенсационных заявлений своего посла в Кабуле. Но сделанная им при этом длительная дипломатическая пауза, во время которой заявления дипломата получили широкий резонанс во всем мире, да и английский «послужной» в Афганистане дают основания сомневаться в искренности Британии.

Стремясь укрепить свои позиции, Карзай не раз предлагал талибам вступить в мирные переговоры, заявлял о возможности войти в правительство их лидера муллы Омара. Однако те, не отвергая такие контакты в принципе, в качестве предварительного условия требовали вывести иностранные войска. 10 сентября 2008 года «Талибан» неожиданно объявил о своей готовности вступить в переговоры с Кабулом с единственным условием – обеспечить безопасность переговорщиков. Правда, через несколько дней талибы свое заявление дезавуировали, потребовав в качестве

предварительного условия отказаться от Конституции². Строительство афганского государства, заявил «Талибан», возможно лишь на основе шариата (мусульманского права). Любопытно, что здесь не фигурировало традиционное для талибов требование вывести иностранные войска. Вероятно, таким образом «Талибан» намекал Западу о возможности договориться за спиной администрации Карзая.

То, что эти сигналы услышаны, говорит сделанное спустя несколько дней заявление британского министра обороны Деса Брауна. «Установить в Афганистане систему управления западного типа невозможно, – сказал министр. – Необходимо найти какой-то другой вариант, базирующийся на законах ислама»³. Гибкость Англии, в отличие от США, не настаивающей на «сохранении позитивных изменений» в афганском обществе после свержения талибов, проявилась и на практике. Так, в 2006 году между талибами и английскими военными была достигнута договоренность: обе стороны отходили от расположенного в южной провинции Гельманд г. Муса-Кала, который передавался старейшинам местных племен. Соглашение, раскритикованное и администрацией Карзая, и США, просуществовало лишь до начала 2007 года, когда талибы вошли в город. Это дало повод Кабулу и Вашингтону вновь подвергнуть критике любые подобные сделки с «Талибаном». Правда, непримиримость США в этом вопросе вызывает определенные сомнения. В конце августа 2007 г. одна из саудовских газет сообщила: ЦРУ ведет секретные переговоры с талибами, настаивая на их отходе от поддержки «Аль-Каиды» в обмен на места в афганском правительстве. Таким образом, в отличие от Англии, Соединенные Штаты обуславливают сделки с «Талибаном» разрывом его союза с международными террористами – условием, которое Лондон склонен игнорировать.

В декабре 2007 года удерживаемый талибами более 10 месяцев г. Муса-Кала за несколько дней перешел под контроль правительства. Причем и на этот раз проявилась более гибкая, чем американская, британская тактика. Освобождению Муса-Калы предшествовали тайные переговоры между представителями Карзая и муллой Абдул Саламом (влиятельным талибским командиром в провинции Гельманд). В ответ на обещание поста министра он вместе со своими бойцами перешел на сторону правительства. Эта сделка, раскритикованная американцами, была активно поддержана англичанами. История борьбы за Муса-Калу лишней раз продемонстрировала: «Талибан» – не единое монолитное движение, а объединенные

Международные отношения

общим названием разрозненные группы боевиков во главе со своими лидерами. И потому поддерживаемая англичанами тактика сепаратных сделок в отношении них приносила и, видимо, будет еще приносить свои плоды.

Как сообщает CNN из Лондона, с 24 по 27 сентября 2008 года в Саудовской Аравии в присутствии саудовского короля Абдаллы прошли встречи между представителями «Талибана» и афганского правительства. Как отмечает пакистанская газета «Dant Daily»⁴ в статье «Саудиты организуют переговоры между Кабулом и Талибаном», «переговоры были проведены по просьбе афганского президента Хамида Карзая, в которых также участвовали представители Пакистана». Как свидетельствует лондонская газета «Sunday Times»⁵, командующий воздушно-десантной британской бригадой в Афганистане Марк Карлтон весьма позитивно оценил эти переговоры. «Мы хотим изменить природу дебатов, чтобы споры улаживались не посредством оружия, а путем переговоров». Причем в отличие от американцев английский генерал явно не связывал подобные контакты с победой над талибами. «Мы не собираемся выигрывать эту войну», – сказал британский генерал. По его мнению, иностранные войска могут и должны покинуть Афганистан, не подавив мятеж. «Мы можем уйти оттуда, пока не потерпели поражение, или оставаться там, пока нас не захлестнет волна восстания, поднимающаяся в сельской местности».

В то же время США более чем прохладно отнеслись к встрече в Саудовской Аравии. Как сообщил сотрудник американского министерства обороны в Афганистане газете «Washington Times», правительство Буша удивлено, что афганское правительство не информировало его об этих переговорах заранее. Правда, в отличие от прошлого, США, как представляется, уже не осуждают такие переговоры в принципе. Так, американский министр обороны Роберт Гейтс, направляясь в Будапешт, где министры обороны НАТО предполагали обсудить ситуацию в Афганистане, отметил, что Соединенные Штаты поддерживают переговоры лишь как попытку побудить отдельных лидеров «Талибана»

оставить его ряды и присоединиться к правительству. «Очень важно определить тех, кто готов к примирению и хочет быть частью будущего страны, и тех, кто не готов к этому», – подчеркнул он⁶.

Любопытно, что единственной страной региона, которая высказывается решительно против каких-либо переговоров с талибами, выступает Иран. Так, как сообщает гонконгское издание «Asia Times», председатель Комиссии по национальной безопасности и внешней политике парламента, ключевой стратег иранской поддержки Северного альянса Алладин Броджерди, резко раскритиковав европейские страны за курс на примирение с «Талибаном», призвал их усилить поддержку правительству Карзая. Пакистанское издание «Regional Times»⁷ цитирует слова иранского министра иностранных дел, сказанные им на одной из пресс-конференций: «Сегодня весь мир знает о стратегическом провале иностранных войск в Афганистане. И мы советуем им не делать ошибок, обреченных на провал... Мы также советуем им подумать о последствиях переговоров с «Талибаном», которые идут в регионе, а также в Европе, и не наступать в одну и ту же лужу дважды... Западным странам не следует думать, что они смогут сдержать экстремизм в пределах границ Афганистана, Пакистана и Центральной Азии. Экстремизм в течение дня может достичь Европы и всех стран Запада». 15 октября 2008 года против переговоров с талибами высказался постоянный представитель Ирана в ООН.

Что касается России, то она поддерживает «афганскую миссию» Вашингтона и его союзников как часть международной борьбы против терроризма, который является такой же угрозой безопасности России, как и Соединенных Штатов.

Alexandr Yu. Umnov. Afghanistan in the focus

The article deals with the current state of the Russian-Afghan relations. The author shows the important place this country holds in the Russian foreign policy priorities due to the geographic position of Afghanistan, war on international terrorism and drug production.

Ключевые слова

Афганистан, Российско-афганские отношения, международный терроризм

Keywords

Afghanistan, Russian-Afghan relations, international terrorism

1. «Canard Enchaîné», 03.09.2008.
2. [Сетевой ресурс]. URL: www.Afghanistan.ru, 09.10.2008.
3. [Сетевой ресурс]. URL: www.Afghanistan.ru, 20.10.2008.
4. «Dant Daily», 25.10.2008.
5. «Sunday Times», 21.10.2008.
6. [Сетевой ресурс]. URL: www.Afghanistan.ru, 20.10.2008.
7. «Regional Times», 15.09.2008.